

Е.В. Шелестюк

Стохастический анализ поэтического текста

Аннотация: В статье рассматриваются особенности поэтического текста и тесно связанного с ним понятия полужетченых структур, приводятся некоторые теории, которые могли бы составить методологические основы анализа поэтического текста, а также производится стохастический анализ двух отрывков из стихотворения С. Фунароффа.

Ключевые слова: поэтический текст, полужетченная структура, коэффициент стохастичности, эффект обманутого ожидания, диафора, комбинаторная семантика.

Элементы поэтического текста характеризуются весьма сложными коррелятивными связями, порой дистантными и имплекативными. Благодаря этим связям осмысленными становятся сочетания, которые в изоляции могли бы показаться лишенными смысла. Одним из средств соединения далеких понятий для создания емких синтактико-смысловых структур, а также одним из способов квантования, перераспределения и компрессии информации в образной системе художественного текста являются полужетченные структуры (ПС)¹ - фразы с нарушением лексической (*once below a time*) или грамматической (*chips of when*) сочетаемости слов, а также сложные слова с лексической либо грамматической несочетаемостью морфем. Широко известны такие поэтические примеры ПС, как *a grief ago, a farmyard away, the shadows of a sound, little whos, he danced his did* [Арнольд 1981: 93]. Смысл ПС выявляется в широком контексте произведения, причем порой не только в лингвистическом, но и экстралингвистическом. Полужетченные структуры подразделяются на:

¹ Термин И. В. Арнольд, Н. Хомский обозначал аналогичное явление термином *casual structures*.

1. Грамматические метафоры, предполагающие перенос грамматической формы с одного вида отношений на другой с целью создания образности либо употребление какой-либо части речи в несвойственной ей грамматической функции [Шендельс 1972]. Например, во фразе *chips of when*: вопросительное наречие употребляется в функции дополнения. Грамматическая метафора возникает также при нарушении грамматической парадигмы слова, например, в словосочетании *something heavenlier*, где относительное прилагательное *heavenly* приобретает степень сравнения.

2. Лексические ПС предполагают употребление слова с другими, семантически несогласованными с этим словом, словами. Например, в сочетании *a grief ago* вместо слова *grief* нужно существительное со значением единицы времени. К лексическим ПС можно отнести и оксюморонные сочетания типа *sing of human unsuccess* (W.H. Auden), а также негиппликациональные сочетания, приведенные М.В. Никитиным (см. ниже).

3. Лексико-грамматические ПС имеют нарушения как лексической, так и грамматической валентности слов. В качестве примера приведем строку из стихотворения Х. Крейна: *What words can strangle this deaf moonlight?* (H. Crane. Voyages). В противоположность фактически употребленным в предложении словоформам, переходный глагол *strangle* во фразе *to strangle moonlight* требует одушевленного существительного; а прилагательное *deaf* в *deaf moonlight* сочетается с одушевленными существительными [Арнольд 1981].

4. Морфологические ПС характеризуются либо семантической и грамматической несочетаемостью частей сложного слова (*fishwife*), либо добавлением суффиксов, не сочетающихся с данным словом (*balalaikalological*), либо объединением в сложные слова целых фраз и предложений (*at-homeness*). Вероятно, к морфологическим ПС следует

причислить и случаи параномасии, например, *Homo Insapiens, subspecies, Col. Brit* (R. Aldington) [Арнольд 1981].

ПС могут иметь большую и меньшую степень прозрачности. В абсолютно «затемненных» ПС не просматривается ни черт сходства, ни какой-либо логической связи между ее элементами (как в примере Н. Хомского: *colourless green ideas sleep furiously*). Однако в большей части ПС между элементами угадываются определенные логические связи, включая синкретическую «логику» эмотивно-образных ассоциаций. Например, синестезическое сходство манеры действия и ассоциации с грозностью, смелостью в отрывке *Твои зубы смелы, / В них усмешка ножа, / И гудят, как шмели, / Золотые глаза* (А. Вознесенский), или символизм летящих колоколов, означающих неотвратимость хода времени, вкупе с ритмом соответствующей аграмматичной фразы с перераспределенными компонентами: *anyone lived in a pretty how town / (with up so floating many bells down)*... (E. E. Cummings). Тем не менее, и эти ПС следует признать смысловыми единицами, сложными для понимания, прежде всего, в связи с их компактностью и информационной насыщенностью, а также грамматическими транспозициями в них, ведущими к нарушениям логики. Порой читатель вынужден обращаться к таким фразам и контексту произведения несколько раз, прежде чем он поймет их смысл.

Возможными методологическими рамками для рассмотрения поэтического текста и, в частности, ПС могут являться различные семантические концепции. Их можно рассматривать в свете дихотомии конвенциональный троп и новообразованный, оригинальный троп (ср. «эпифора» и «диафора» [Маккормак 1990]); в свете теорий валентности, коллокации / коллигации и их нарушений. Весьма эффективно в качестве методологической базы может использоваться и теория комбинаторной семантики, разработанная М. В. Никитиным, которая рассматривает закономерности «сложения смыслов» отдельных полнозначных слов (имен), объединяющихся в сложные номинативные единицы, и соотношения между

значениями имен-компонентов и значением целого сочетания [Никитин 1983: 62-114]. В свете этой концепции ПС относятся к числу сочетаний, для которых характерна экспликация негемпликациональных признаков значения одного или более элементов. По М. В. Никитину, «негемпликационал» – это совокупность понятий отрицательной импликации, т.е. семантических признаков, несовместимых с интенционалом значения слова. Ученый приводит следующие примеры негемпликациональных словосочетаний, каждое из которых одновременно можно трактовать и как ПС: joyous alarms, furnished souls, peevish gutter, eyeless road, a white sleep, the hyenna dispair, breasted tree, the conceiving moon, gooseskin winter, dunghill sky, in its box of sky lavender and cornerless / the moon rattles like a fragment of angry candy, sour cream wall, my blood stings, winds that knife us, with fingering stealth; the seeds, assuaged, peep from nested spray; lifelong the fishlipped lovers lie / kissing catastrophes, smothering mountains of my silence, lizards of reminiscence.

Все перечисленные теории могут плодотворно использоваться для изучения поэтического текста и, в частности, ПС, однако в настоящем исследовании мы возьмем в качестве методологической базы две другие концепции, которые предполагают использование точных методов — формальных исчислений. Речь идет о «стохастических» (вероятностных) моделях текста М. Риффатера и А. Н. Мороховского, позволяющих измерить предсказуемость и непредсказуемость элементов текста и, соответственно, определить степень воздействия ПС на читателя. Обе концепции исходят из одинаковых посылок, однако М. Риффатер описывает воздействие текста на читателя и ставит в центр внимания понятие эффекта обманутого ожидания, а А. Н. Мороховский стремится формализовать предсказуемость и непредсказуемость компонентов текста с помощью введения специального показателя - коэффициента стохастичности текста. По мнению М. Риффатера, декодирование цепи письменных высказываний является более сложным и контекстно-обусловленным, чем декодирование высказываний в цепи устной речи, хотя это и компенсируется

возможностью прочитать текст еще раз. Письменный текст сложнее и в отношении кодирования, т. к. в распоряжении писателя нет тех непосредственных и естественных средств, которые имеются в распоряжении говорящего и обуславливают большой внушающий эффект: тона, тембра голоса, мимики, жестов и т.д. Поэтому, если писатель хочет, чтобы его намерения достигли цели, он должен контролировать декодирование самим кодированием, стараясь привлечь внимание читателя к тем элементам речевой цепи, которые кажутся ему важными, и сделать так, чтобы они не ускользнули даже при самом поверхностном чтении. А поскольку предсказуемость, по мнению М. Риффатера, приводит к «эллиптическому декодированию», важнейшие элементы текста должны быть непредсказуемыми.

Как проявляется непредсказуемость и предсказуемость элементов и как ее измерить? Линейность речи обуславливает тот факт, что появление каждого последующего элемента подготавливается предшествующим элементом, само же появление нового элемента подготавливает последующие. Если на этом фоне появляется элемент, обладающий малой вероятностью появления (или малой предсказуемостью), он создает стилистический эффект, который М. Риффатер называет *эффектом обманутого ожидания*. ПС, будучи основанной на несочетаемости входящих в нее элементов, является структурой, обладающей малой предсказуемостью. Именно этим обуславливается ее высокая степень экспрессивности. По утверждению М. Риффатера, этот эффект выделения из фона, примечания, можно сам по себе рассматривать как сигнал значимости ПС, даже если полностью отбросить субъективную интерпретацию ее читателями.

В отличие от М. Риффатера, который предлагает выявлять релевантные в смысловом и стилистическом отношении элементы текста, основываясь на восприятии их реципиентом, А. Н. Мороховский предлагает точную формулу расчета соотношения предсказуемых и непредсказуемых

элементов в тексте, вводя для этого переменную величину, названную коэффициентом стохастичности. По мнению А. Н. Мороховского, М. Риффатер преувеличивает удельный вес эффекта обманутого ожидания в тексте. Для обеспечения прагматической направленности высказывания или текста, в том числе и художественного текста, необходимо совмещение в системе случайных (отсутствующих в тезаурусе реципиента) и детерминированных элементов и их связей [Мороховский 1991].

Обозначим случайные (непредсказуемые) элементы какого-либо текста символом H , а детерминированные – символом D . Отношение величин этих связей показывает коэффициент стохастичности (вероятности). Обозначим его символом G , таким образом, $G = H : D$.

В письменном типе речи из каждых пяти битов информации, приходящихся на одну букву текста, четыре бита являются избыточными, т.е. содержат заранее известную информацию, получение которой детерминировано системой, и один бит непредсказуем, т.е. коэффициент стохастичности в среднем равен $G = H : D = 1 : 4$. Как утверждает А. Н. Мороховский, это - результат длительной эволюции языка, обеспечивающий, с одной стороны, достаточную информативность, а с другой – структурную целостность любого текста. Если бы количество детерминированных элементов стремилось к нулю, то язык стал бы полностью бессмысленным, представляя собой некий неупорядоченный набор компонентов. Если бы количество непредсказуемых элементов стремилось к нулю, все элементы были бы полностью предсказуемы, в результате чего язык не мог бы служить средством коммуникации.

Эти отношения применимы не только к естественному языку, но и к вторичным семиотическим системам, в частности, к художественным текстам. В том случае, если художественный текст тяготеет к использованию жестко детерминированного набора элементов в их отношении, то для него характерна крайняя степень традиционности, как следствие этого, малая информативность, низкий коэффициент

стохастичности. Тяготение к традиционным формам характерно для фольклора, где широко используются клишированные конструкции типа *добрый молодец, красна девица, ясный взор, темный лес, быстра реченька* и пр. В случае же, когда элементы и их связи непредсказуемы, коэффициент стохастичности стремится к бесконечности. Такое явление часто встречается в художественных текстах формалистского типа. Как утверждает А. Н. Мороховский, в художественных текстах существует некое оптимальное соотношение H и D . При этом оценку непредсказуемых элементов читатель может проводить только на основе элементов D , т.е. на основе предварительных знаний норм литературного языка, канонов литературных школ и направлений, законов жанра, всего историко-социального контекста.

Большое место в концепции А. Н. Мороховского имеет ограничение контекста для выявления коэффициента стохастичности текста. Ученый считает целесообразным дифференцировать такие типы стилистического контекста, как микро-, макро- и мегаконтекст, реализуемые, соответственно, в рамках отдельного предложения, сверхфразового единства и всего текста. Многократное употребление так называемых ключевых или тематических слов в различных речевых ситуациях в пределах одного текста обогащает и изменяет их смысловое содержание. При неясности значения единицы в микроконтексте привлекается макроконтекст, при непроясненности ее в макроконтексте — мегаконтекст, в том числе экстралингвистический. Эта процедура приложима и к анализу поэтического текста.

Для иллюстрации стохастического анализа поэтического текста нами был взят отрывок из стихотворения американского поэта Сола Фунароффа. На первом этапе на основе макроконтекста производился расчет детерминированных и недетерминированных элементов и вычислялся коэффициент стохастичности. На втором этапе выявлялись ПС, которые находятся на стыках детерминированных и недетерминированных

элементов и создают эффект обманутого ожидания. На третьем этапе определялись значения и функции ПС в контексте.

*I am that exile
from a future time,
from shores of freedom
I may never know,
who hears, sounding in the surf,
tidings from the lips of waves
that meet and kiss
in submarine gardens
of a new Atlantis
where gold-colored fishes
paint the green gloom. (Funaroff, The Bellbuoy)*

Данный отрывок содержит образ фантастического типа, создаваемый за счет развернутой метафоры. Анализ детерминированных и недетерминированных элементов здесь лучше проводить в два шага. Шаг первый показывает границы референта и образа первичной метафоры: здесь один детерминированный элемент, в прямом значении соответствующий референту – “I”, остальные же элементы в совокупности образуют образ метафоры. Сокращенно: *D: I; H: exile, future time, shores, freedom, know, hears, sounding, surf, tidings, lips, waves, meet, kiss, submarine gardens, new Atlantis, gold-colored fishes, paint, green gloom*. Шаг второй классифицирует по степени детерминированности / недетерминированности элементы, входящие в референцию и образ вторичной, развернутой метафоры: *D: I, exile, shores of freedom, surf, know, tidings, waves, submarine, Atlantis, gold-colored fishes, green. H: future time, lips, meet, kiss, tidings, gardens, paint, gloom*. $G = 8:11 = 0,73$. Как можно видеть, коэффициент стохастичности выше нормы (0,73 против 0,25).

На стыке детерминированных и недетерминированных элементов выделяется ряд метафор, из которых можно трактовать как ПС, образующие эффект обманутого ожидания:

- 1) *exile from a future time* – ПС лексического типа. Реализуемый троп – авторская метафора пространственно-временного типа, когда

временная категория (*time*) выполняет пространственную функцию: изгнанник из будущего.

2) *gold-colored fish paint the green gloom* – сочетание предикативного типа является ПС лексического типа. Реализуемый троп – авторская метафора: двигаясь, рыбки расцвечивают темно-зеленый сумрак подводного мира.

3) *tidings from the lips of waves that meet and kiss* - ПС лексического типа. Реализуемый троп – игра слов + авторская метафора. Игра слов состоит в реализации двух значений слова *tidings*: 1) прибой, 2) новости. Первое значение обеспечивается предыдущим и последующим контекстом “морской” тематики, а второе значение обеспечивается контекстом олицетворения: *lips... that meet and kiss*.

Функция ПС в контексте – создание эффекта аллегорико-фантастической поэтической картинке будущего.

Итак, коэффициент стохастичности в представленном поэтическом отрывке примерно в три раза превышает норму, что усложняет его понимание. Эффект обманутого ожидания создается на стыках детерминированных и недетерминированных элементов текста, здесь же обнаруживаются ПС. Главная черта, отличающая ПС от авторских тропов - это значительная семантическая отдаленность составляющих их элементов.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М. Просвещение, 1990.
2. Золина Н. Н. Полуотмеченные структуры и их стилистические функции. Автореф. дисс. . канд. филол. наук. Л, 1977. - 21 с.
3. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Мак-Кормак // Теория метафоры: сб. / Ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 358-387.
4. Мороховский А. Н. Стилистика английского языка. Киев: Выща школа, 1991.

5. Никитин М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика): Учеб. пособие для пед. вузов по спец. N 2103 «Иностр. яз.». — М.: Высш. школа, 1983. —127 с.
6. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвостилистика. М.: Прогресс, 1980. № 9. С. 69—97.
7. Шендельс Е. И. Грамматическая метафора // Филологические науки. № 3. М.: Наука, 1972. С.48-57.
8. Funaroff S. The Spider and the Clock. N.Y.: International Publishers, 1936.

E. V. Shelestyuk

Stochastic analysis of the poetic text

Abstract: This article discusses features of a poetic text and a closely related thereto concept of semi-defined structures; names some theories that could make a methodological framework for the analysis of the poetic text; gives a stochastic analysis of an excerpt from a poem by S. Funaroff.

Key words: poetic text, semi-defined structure, stochasticity factor, deceived expectations effect, diaphora, combinatorial semantics.

Оригинал: Шелестюк Е. В. Стохастический анализ поэтического текста // Вестник Челябинского государственного университета (Серия «Филология. Искусствоведение»). Выпуск 86. № 37 (328), 2013. - С. 176-179.